

ПО СТРАНИЦАМ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ АКАДЕМИКА Е.М. СЕРГЕЕВА (1914–1997)

THROUGH THE PAGES OF ACADEMICIAN E.M. SERGEEV'S (1914–1997) MILITARY BIOGRAPHY

ШИБАКОВА В.С.

Старший научный сотрудник Геологического
института РАН, к.г.-м.н., г. Москва,
valentina-shibakova@yandex.ru

Ключевые слова:

академик Е.М. Сергеев; военная биография.

Аннотация

Статья посвящена страницам военной биографии академика **Евгения Михайловича Сергеева (1914–1997)** — крупнейшего ученого, педагога и организатора науки в области инженерной геологии, о котором **В.С. Шибакова** неоднократно писала в своих публикациях ранее.

Abstract

The article is devoted to some pages of academician **Evgeniy Mikhailovich Sergeev's (1914–1997)** military biography. He was an outstanding scientist, educator and science organizer in the field of engineering geology. **V.S. Shibakova** has repeatedly written about him in her publications before.

SHIBAKOVA V.S.

Senior staff scientist of the Geological Institute of the Russian Academy of Sciences, PhD (candidate of science in Geology and Mineralogy), Moscow, valentina-shibakova@yandex.ru

Key words:

academician E.M. Sergeev; military biography.

Евгений Михайлович Сергеев известен нам как выдающийся ученый в области инженерной геологии, оставивший после себя богатое научное наследие и научную школу и имевший большой авторитет в международных кругах. Мне хотелось бы приоткрыть для современного поколения инженеров-геологов другую сторону его биографии, связанную с его участием в Великой Отечественной войне.

Как дорогой подарок хранятся у меня военные воспоминания Е.М. Сергеева с его дарственными надписями — книга «За строкой фронтового письма» и

Рис. 1. Евгений Михайлович Сергеев в апреле 1943 г. (снимок предоставлен Н.М. Сергеевой)

статья «Так было в начале войны». К этим работам я неоднократно обращалась раньше, и сейчас, в преддверии столетия со дня рождения Евгения Михайловича, вновь перечитывая их, я четко осознаю, что особенно-сти личности этого замечательного человека связаны с его военным прошлым и военным опытом. Все работавшие с Е.М. Сергеевым отмечают его незаурядный характер и способность вычленять главное, принимать единственно правильные решения в критических ситуациях, руководить большими коллективами и видеть при этом каждого человека в отдельности, оценивая его реальные возможности.

В этой статье я изложу отдельные страницы военной биографии Е.М. Сергеева, используя фрагменты из его работы «Так было в начале войны».

Евгений Михайлович был единственным сыном в семье московского профессора и не имел специального военного образования. Он провел на войне более двух лет, которые совпали по времени с отступлением нашей армии. Меня поражает, как он мог в тяжелой обстановке не поддаваться страху, сохранять ясность сознания, стойкость характера, заботу о людях и ответственность за них.

Е.М. Сергеев ушел на фронт 29 июня 1941 г., несмотря на то что, будучи секретарем парткома МГУ и имея бронь, он мог оставаться в Москве. Два месяца он пробыл в резерве Юго-Западного направления под Киевом, где происходило распределение новобранцев по частям. Он получил предложение от комиссара воспользоваться направлением на учебу в Военно-политическую академию: «Получите высшее военное образование, а потом будете воевать». «Нет, товарищ комиссар, я Вас очень прошу направить меня на фронт», — был ответ.

Е.М. Сергеев был направлен в распоряжение штаба 38-й армии, а затем в 617-й стрелковый полк 199-й стрелковой дивизии как командир роты. Он прибыл на передовой рубеж в районе села Пригородка. После непродолжительной беседы командир полка капитан Гриднев сказал: «Вот что, товарищ младший лейтенант, роту я Вам дам, но не сейчас. Несколько дней будете при мне для отдельных поручений. Попривыкнете, а к тому времени к нам маршевая рота подойдет. Ждем ее днями». На следующий день Гриднев приказал Сергееву сопровождать его при обходе переднего края. «Погода стояла солнечная, — вспоминал Евгений Михайлович, — немцы прекратили обстрел Пригородки, и как-то не верилось, что мы идем на передний край обороны. А когда дошли, то он, долгожданный, меня просто разочаровал. Вместо представляемых ходов со-общений, окопов в полный рост, дзотов и прочих фортификационных сооружений, о которых нам говорили на тактических занятиях в университете и в лагерях во время сборов, я увидел наспех отрытые вдоль деревенской околицы мелкие, по пояс, окопчики. Перед ними проходила проселочная дорога, а за ней стеной стояла высокая перезревшая пшеница. Обзора почти не было. Только поднявшись из окопа на бруствер и встав в полный рост, можно было разглядеть метрах в трехстах впереди два подбитых немецких танка, а за ними деревеньку, выходящую в нашу сторону садами. “Там немцы!” — коротко бросил Гриднев... Поколебавшись, я все же сказал Гридневу, что по пшеничному полю

гитлеровцы смогут скрытно подползти к нашей передовой и одним коротким броском оказаться в окопах. Внес я и предложение: воспользоваться тем, что ветер дует в сторону противника, и поджечь пшеницу вдоль всего занимаемого полком участка. “Верно, — согласился капитан. — Только отдать такой приказ смогу, лишь согласовав его со штабом дивизии: там должны знать причину пожара. Свяжусь со штабом дивизии немедленно, после того как осмотрим позицию противотанковой батареи”. В это время начался минометный обстрел — немцы били прямо по батарее». Наших офицеров спасли узкие и глубокие щели. Потом враг перенес огонь в глубину наших позиций, и тут же послышался треск автоматов. Евгений Михайлович инстинктивно зафиксировал время — было ровно 12 часов 13 сентября 1941 года. Далее Е.М. Сергеев вспоминал: «Выскочив первым из щели, Гриднев крикнул командиру батареи: “Отражать вражескую атаку!”. И, обращаясь уже ко мне и адъютанту, добавил: “Бегом на КП!” Добежав до своего командного пункта, Гриднев по телефону коротко доложил обстановку, выслушал указания и, положив трубку, объявил: “Приказано отходить в общем направлении на станцию Кобеляки, сдерживая всеми средствами продвижение врага и нанося ему максимальный урон”. Полк начал отход, когда враг вошел в Пригородку. Я старался держаться рядом с капитаном. Остаток дня и всю ночь шли мы в направлении на железнодорожную станцию Кобеляки. Временами попадали под обстрел немецких минометов. А к утру выяснилось, что части перемешались: в рядах нашего 617-го СП оказалось немало воинов из других частей. И наоборот, ряд подразделений 617-го СП находился неизвестно где. Только к обеду следующего дня подошли к станции Кобеляки... Мне было приказано с группой разведчиков выяснить, есть ли противник на станции... Узнав обстановку, Гриднев собрал свободный командный состав, каждому определил маршрут и поставил задачу: собирать встречных бойцов, командиров, отдельные группы, формировать из них команды и сосредоточивать на сборном пункте в колхозном саду севернее станции, куда подойдут и походные кухни. К пункту сбора я пришел во главе доброй сотни бойцов и младших командиров, “найденных” по дороге и сведенных в отряд. Здесь нас уже ждали кухни, и после сытного горячего обеда настроение у всех несколько поднялось... Разведка фашистов подошла к нам вплотную, и откуда-то из гуази деревьев полетели в нашу сторону световые ракеты, указывая, где окопались бойцы. И вслед за ними минометы открыли беглый огонь. Гридневу ничего не оставалось делать, кроме как командовать строю: “Рассыпаться, отходить к поселку!”. Враг вел минометный обстрел, во время которого полк понес большие потери. Капитан Гриднев тоже был убит. Е.М. Сергеев писал об этом моменте: «На душе было тяжело. Не успел я как следует познакомиться с первым своим фронтовым командиром, а его уже не стало. Всего три дня я находился рядом с капитаном Гридневым, но проникся к нему чувством уважения за храбрость и благодарностью за внимание ко мне, еще не обстрелянному... Полку была поставлена новая задача: переправиться через р. Ворсклу (мост был), подняться на ее высокий берег и перекрыть под-

ступы к Новым Санжарам с запада... Мы должны были дать возможность штабу 38-й армии успеть передислоцироваться в другое место, не попасть в руки к немцам. Наш рубеж обороны представлял собой пшеничное поле, частично заскородованное... Одновременно с нами появились и фашисты. Начался ближний бой. До сих пор удивляюсь, как я остался жив и даже сумел застрелить немецкого ефрейтора, снять с него автомат "Шмайсер" и взять документы. Продержались мы до вечера, когда наши самолеты уже бомбили Новые Санжары, куда давно вошли танки и другие фашистские войска...».

Они оказались отрезанными от своих частей, но держали рубеж до получения приказа отходить и выходить на дорогу Новые Санжары — Полтава. При этом был большой риск наткнуться на фашистов. «Обсуждали ситуацию, рассматривали карту при свете свечки... — писал Е.М. Сергеев в своих воспоминаниях далее. — Я вменялся: "Командир, пойдем через Новые Санжары (занятые немцами. — Авт.), но только вдоль реки, а может быть, где и по реке — к ней ведь только огороды выходят, ни одного дома близко нет. Если мост не охраняется, пройдем под ним, а там и дорога на Полтаву недалеко". "А ты откуда знаешь? Местный, что ли?" "Да нет, отдыхал здесь в двадцать восьмом году. Это родители словно бы угадали, что мне тут воевать придется". "А, ну тогда давай показывай дорогу"... Память меня не подвела. Огородами без помех добрались до моста. Чтобы не подниматься на насыпь, тихо прошли под ним по колено в воде. Наконец вышли на Полтавскую дорогу. Но тут вышло неожиданное препятствие — путь преградил глубокий с отвесными стенками ров. Без каких-либо подручных средств его было не преодолеть, тем более раненым. Помог случай. Послали красноармейцев вдоль рва. Один из них вернулся и доложил, что рассмотрел перекинутые через ров широкие доски. По ним и перебрались. Так мы ушли из Новых Санжар, но в памяти они остались на всю жизнь. Пройдя несколько километров, мы были остановлены боевым охранением кавалерийской части. Убедившись в том, что мы действительно те, за кого себя выдаем, командир боевого охранения, старший лейтенант по званию, сказал: "Займите наши позиции и будете их оборонять. А наша часть переходит на другой рубеж". "Так ведь нас, не считая раненых, меньше полсотни человек". "Ничего, ваши уже частично там, вот их вы и пополните. Таков приказ командира дивизии". Старший лейтенант дал распоряжение о выдаче нам сухого пайка, успокоил, сказав, что окопы уже отрыты и копать ничего не придется, принял у нас раненых для отправки в тыл, дал сопровождающего, и мы попрощались. Утром 17 сентября раздались крики: "Танки! Танки!" 18–20 танков развернутым строем не спеша выкатились прямо на наши окопы. Было нас порядка 150 человек, а главное, практически не было у нас средств борьбы с этими ползущими стальными коробками. Сдали нервы, и мы стали стрелять обычными пулями в надежде, что одна из них попадет в смотровую щель. Плохое было чувство — чувство полной беспомощности. К тому времени я уже не раз слышал слово "танкобоязнь", произносимое с ироническим оттенком. Но ирония уместна

лишь в тех случаях, когда у людей есть хоть какие-то средства для борьбы с танками... Думаю, что, если бы у нас тогда были противотанковые ружья, бутылки с горючей смесью КС или хотя бы с бензином, противотанковые гранаты или хотя бы связки ручных РГД, мы бы не оставили рубеж, несмотря на то что оборудован он был слабо — одни лишь неглубокие ямки. И, признаюсь, я вздохнул с облегчением, когда услышал команду: "Прекратить огонь, отходить на Полтавскую дорогу! Сбор у следующего оборонительного рубежа!" Но стоило нам выскочить из окопов, как танки прибавили скорость, а от них по чистому полю не уйдешь. И тут раздались два мощных взрыва, потом еще один. Это сработали противотанковые мины, поставленные здесь нашими саперами. Я увидел, как танки, будто по команде, остановились перед рубежом, который только что мы занимали. Некоторые даже попятнулись назад. Три задымились. Это и дало нам возможность оторваться от них. Но, увы, ненадолго. Опять взрели моторы, несколько танков двинулось в сторону, обходя минное поле. Пришлось нам тоже ускорить шаг и даже перейти на бег... И тут произошло то, о чем никогда не смогу забыть. Мимо меня пронеслось что-то, похожее на огненную струю, и пронзило насквозь бежавшего рядом бойца. От прямого попадания броневой снаряды он мгновенно превратился в бесформенный комок. Наше счастье, что у немецких танков были, по-видимому, израсходованы другие боеприпасы, да и горючего, наверное, было немного... Наконец достигли очередного оборонительного рубежа. Окопы полного профиля перекрывали дорогу на Полтаву. В окопах оказались бойцы — на глаз, человек 40. Спросил, из какой они части. Несколько человек назвали номер нашего полка, остальные — номера каких-то незнакомых частей. Тут же выяснилось, что среди них — ни одного командира. Пришлось брать руководство на себя: "Внимание! Слушать мою команду! Вы — бойцы 617-го стрелкового полка. Я — ваш командир". Подошел молодой политрук, доложил, что он пропагандист из нашей части. "Слушай, — говорю ему, — поскольку я принял командование, оставайся со мной, будем вместе воевать". "Чем же мы будем командовать — ведь не полк же здесь, в самом деле. Хорошо, если взвод наберется". "Ну, назовемся пока отрядом, а там видно будет". Так из младшего лейтенанта, исполнявшего, по существу, функции простого бойца, я впервые превратился в командира взвода, а в тех условиях, может быть, и роты. Впервые пришло настоящее чувство ответственности за людей, которым я заявил, что я их командир. День 17 сентября оказался не менее тяжелым, чем предыдущий. Помимо того что я рассказал, могу добавить, что 2–3 часа мы удерживали этот рубеж от фашистов и на это время, пусть небольшое, задержали продвижение немцев на Полтаву. Потом фашистские танки и пехота появились у нас в тылу. Создалась угроза окружения, и нам срочно пришлось отходить на восток, пока еще в ту сторону путь был свободен. В районе села Великий Тростянец мы вышли навстречу новому полку, перед которым была поставлена задача остановить продвижение фашистов. Командир части — капитан в лихо заломленной набок кубанке — выслушав меня, сказал

вначале, что готов включить отряд в полк и даже назначить участок обороны. Потом, однако, добавил, что нас не сможет кормить, так как дополнительными фондами не располагает. Это резко меняло положение. Посмотрев на изможденные лица бойцов отряда, давно не получавших горячей пищи, я сказал командиру, что оставляю с подчиненными младшего политрука, а сам пойду искать свой полк: надо ставить на довольствие людей. “Смотри, — напутствовал он меня, — как бы не приняли тебя за дезертира”. Я и сам это подумал, но другого выхода не видел. Взял с собой двоих красноармейцев и отправился на поиски. Южнее Полтавы мы переправились по пешеходному мостику через Ворсклу. Предъявили документы, пораспрашивали, не знают ли, где находится штаб 199-й стрелковой дивизии. И нашли-таки! Трудно передать, какую радость я испытал, направляясь по указанию одного из командиров к начальнику штаба дивизии. В небольшой комнате меня встретил коренастый плотный полковник. Представился ему, доложил о том, чему был свидетелем в последние дни. И в ответ — совершенно неожиданное: “Значит, вы были в окружении? В особом отделе дадите объяснения”. “Товарищ полковник, не были мы в окружении. В последнем бою враг обошел нас с тыла, вот и пришлось оставить рубеж. Все бойцы выведены из боя без потерь, находятся сейчас на переднем крае с другим полком, но их не ставят на довольствие. Что-то надо делать. Для этого я к Вам и пришел”. “В этом и разберется особый отдел”. “В чем должен разбираться особый отдел?” — раздался голос, и в комнату вошел худощавый комбриг. Я знал, что дивизией командует комбриг Аверин. Никогда его раньше не видел, но сразу подумал, что это он и есть. Стараясь не волноваться, я доложил обо всех событиях, начиная с боя у станции Кобеляки. Комбриг слушал меня внимательно, пристально смотрел в глаза. Когда я закончил рассказ, он обратился к полковнику: “Ты что же, думаешь, ему немцы и свой автомат вручили, чтобы выделялся среди наших? Что-то я такого не припомню. Словом, оставить особый отдел! А Вы, товарищ младший лейтенант, покажите на карте, где сейчас Ваша группа. Так, понятно. А вот здесь, — отчеркнул он ногтем село Никольское, — штаб вашего полка. Теперь в нем новый командир — майор Карапетян. Явитесь к нему и доложите, что к вечеру прибудет группа бойцов во главе с младшим политруком. Начальник штаба, пошлите две автомашины для доставки этих людей в 617-й полк”. Как я был благодарен комбригу Аверину! Такой груз он снял с моих плеч! На его одобрителное “можете идти” ответил: “Есть!” Козырнул, вышел из дома и зашагал с легким сердцем в Никольское. Второй раз я встретился с комбригом Авериным через несколько дней, когда наша дивизия и ряд других войск выходили из окружения, попав в него восточнее Полтавы. Для меня это было особенно тяжело, так как за четыре дня до этого я был контужен разорвавшейся миной при разведке одного железнодорожного разъезда. Контузия была легкая, выразившаяся в потере слуха и общей слабости. Через несколько дней слух восстановился, но звон в ухе (травматический неврит) остался на всю жизнь. Первые слова, которые я услышал: “Мы в окружении”. Тут же забрал свое оружие

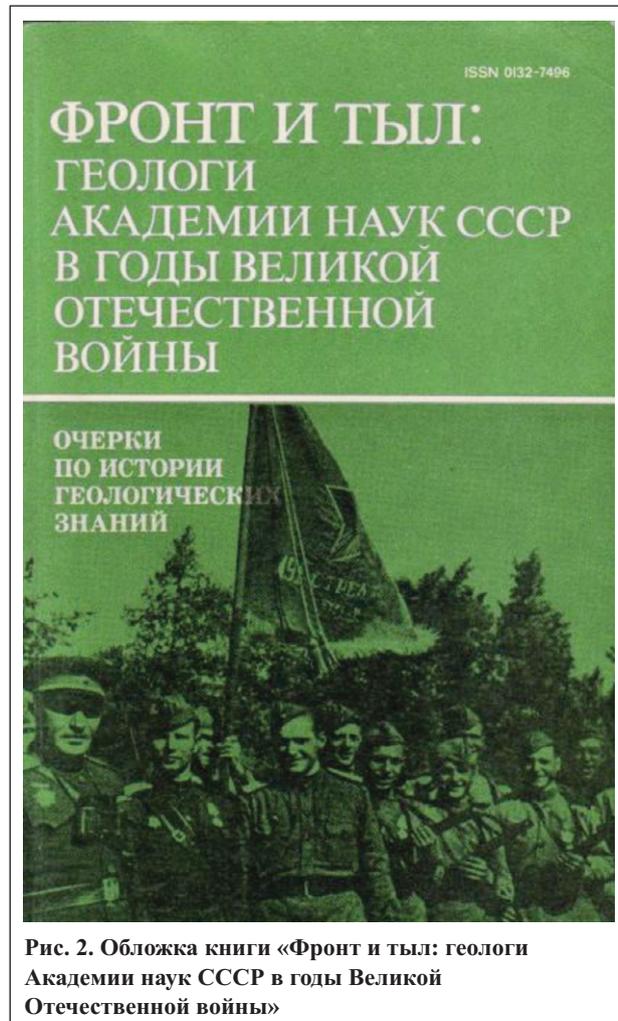

Рис. 2. Обложка книги «Фронт и тыл: геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны»

и вещи и ушел из медсанбата в свой полк. В ночь на 26 сентября стали выходить из окружения. Головным был наш полк. Впереди колонны полка шел командир дивизии со своими штабными командирами. Странное и тяжелое было чувство. Лунная ночь. Все хорошо видно. По сторонам дороги — украинские мазанки. Некоторые из них оказались повреждены, а иные разрушены. На покрытых побелкой стенах — тех, что располагались вблизи дороги, — отчетливо виднелись нарисованные красной и черной красками стрелы, номера, знаки, надписи на немецком языке. Разведка и боевое охранение сбились с дороги. Это привело к тому, что наша колонна вышла прямо в расположение гитлеровцев. Их часовой расположился на скирде соломы и, по всей вероятности, спал. Когда же он проснулся, то мы были от него так близко, что хорошо видели, как он ползет без оружия по скирде на четвереньках. Мы услышали его истошные вопли. Чуть ли не в упор ударил крупнокалиберный пулемет, но цветастые трассирующие пули от первой очереди пролетели над головой. Похоже, что фашистов мы застали врасплох. Но вот уже застучали автоматы, раздалась винтовочные выстрелы. Некоторые из шедших впереди попадали, кое-кто бросился назад. И тут прозвучал уверенный голос комбрига Аверина: “Стойте! Позади смерть! Товарищи, только вперед! Бейте фашистов! За мной!” Бойцы бросились вперед, стреляя на ходу. Покатилось дружное “ура”. Вот это командир! Оборона у немцев была прорвана, и войска оказались на территории, занятой противником. Начались новые

бои уже небольшими группами... Только вечером 27 сентября... группа, которой мне довелось командовать, при выходе из окружения, достигла районного центра Максимовка, где собирался 617-й СП. В боях при выходе из окружения наш полк понес большие потери. Не вышли из окружения комиссар Бондаренко и помощники начальника штаба полка (а их, если не ошибаюсь, полагалось четыре). Новый командир полка майор Карапетян назначил меня первым помощником начальника штаба 617-го СП. А еще и месяц не прошел, как я прибыл в полк. Дело не в моих личных качествах. Выбор был невелик — погибло много командиров. В тот же вечер наш полк наскоро пополнили, придали ему двухорудийную батарею 76-мм пушек, посадили всех на машины и отправили в район северо-восточнее Полтавы, где на протяжении 18 км фронт был открыт. Примерно 300 бойцов, да еще по дороге к нам влилось 18 эвакуированных милиционеров — вот и все наши силы на 18 км. Штаб расположился в Милорадово. В первых числах октября начались бои. Силы были несопоставимы — в пользу фашистов. Но мы «огрызались». Прекрасным командиром оказался командир двухпушечной батареи Мищенко. Храбрость в нем сочеталась с расчетливостью и большим умением. Позднее он был награжден орденом Ленина. Против нас наступала 29-я механизированная дивизия (мд) немцев с танками, мотоциклетными подразделениями и артиллерией. Тактика наша была такая. С утра мы ждали наступления фашистов. Выдвигали вперед пушки, за ночь отрывали окопы, сосредоточивали в них большинство огневых средств и старались нанести как можно больше урона противнику. Так было в селах Милорадово, Великая Рублевка, Колонтаево. А когда появлялись танки (противотанковых средств борьбы у нас по-прежнему не было — лишь две 76-мм пушки Мищенко...), мы отскакивали до следующего оборонительного рубежа на автомашинах и лошадях. И сразу же принимались рыть окопы, ходы сообщения, «вгрызаться в землю», зная заранее, что и этот рубеж мы вскоре должны будем оставить. Впрочем, с Колонтаево мы удерживали несколько дней. Сюда прибыл вновь укомплектованный 617-й СП. Все подразделения, полагающиеся стрелковому полку, были налицо: помимо стрелковых рот — пулеметные роты, минометные и артиллерийские батареи. Все было — не было только материальной части. Независимо от того, как называлось подразделение, все бойцы и многие командиры были вооружены только винтовками, даже не всегда исправными... Поэтому, когда враг вновь перешел к активным наступательным действиям, 617-й СП вновь вынужден был отступать, неся еще большие потери, чем до получения пополнения. Против нас действовали 239-я и 294-я немецкие пехотные дивизии, поддерживаемые большим количеством танков. Под их натиском полк отошел на Краснокутск и далее на Богодухов. По-видимому, из Богодухова я отправил родителям солдатский треугольник, датированный 9 октября. Письмо было лаконичным: «Мои дорогие! С 13 сентября не выхожу из боев, но жив и здоров. Писать мне пока некуда. Как только появится устойчивый адрес, сообщу. Напишите Шуре, что соскучился по ней и дочурке. Целую всех крепко. Женя»... 16 октября была предпринята попытка вы-

бить фашистов из города. Несмотря на то что в наступлении участвовал кавалерийский корпус Белова, вернуть Богодухов не удалось. При этом потери в нашем полку были значительные. В тот же день в 21.00 по распоряжению штаба 38-й армии полк передал свой оборонительный рубеж на восточной окраине Богодухова подошедшему полку НКВД и погрузился в присланные автомашины, которые должны были доставить нас на западную окраину Харькова. В распоряжении указывалось, что полк переходит в резерв штаба 38-й армии. Тридцать три дня и тридцать три ночи полк находился в боях, в них таяли поступившие пополнения. Поэтому присланные за нами автомашины шли далеко незагруженными. Следующей ночью мы прошли через обреченный на сдачу Харьков. Во изменение первого распоряжения остановились на отдых уже восточнее Харькова в районном центре Печенеги. В ноябре 1941 г. полк в составе 199-й дивизии под командованием комдива Давыдова осуществлял наступление в районе райцентра Шевченково. Ночью в километре от Шевченково нас догнал верховой посыльный и передал Карапетяну пакет. Тот вскрыл его и при свете фонарика прочитал: «Свой приказ о действиях в Шевченково отменяю. Полку принять участие в общем наступлении на Шевченково в 5 часов по сигналу: три красные ракеты. Задача — наступать правее железной дороги, овладеть элеватором. Комдив 199-й Давыдов». В 5 часов утра подразделения полка при поддержке артиллерии пошли в атаку. Вскоре, почти не встретив сопротивления, они вышли к элеватору, где отбивалась попавшая в окружение группа автоматчиков. Все они были уничтожены. В нашем полку в этом бою больших потерь не было — получили ранение лишь несколько человек».

31 января 1942 года Е.М. Сергеев получил первый в своей жизни орден — орден Красной Звезды. «Вручали нам, бойцам и командирам 617-го СП, ордена и медали в штабе дивизии, — вспоминал он. — Для этого сюда специально приехал член военного совета 38-й армии бригадный комиссар В.М. Лайок... Выступал спокойно, говорил проникновенно, искренне, для каждого награжденного находил теплые слова. Мне он сказал примерно следующее: «Поздравляю с высокой наградой. Особенно рад, что вручаю орден не младшему, как сказано в приказе, а уже старшему лейтенанту. Желаю дальнейших боевых успехов». Запомнилось краткое выступление полковника Давыдова, который подчеркнул, что мы теперь не просто бойцы, командиры и политработники Красной Армии, но еще и орденоносцы. А орден... обязывает быть примером для всех, кто воюет в рядах Красной Армии против гитлеровского фашизма. Награжденные отметили, конечно, в полку. По этому поводу устроили концерт самодеятельности. Оказалось, что Сироткин прекрасно играл не только на пианино, но и на баяне. Под его аккомпанемент, лихо приплясывая, пела звонким голосом частушки одна из наших радисток — Марина Фаустова. В середине февраля 1942 г. меня вызвали в штаб дивизии и приказали немедленно ехать в штаб 38-й армии. Приехал в отдел кадров штаба армии и сразу получил нахлобучку: «Где Вы пропали? Эшелон отходит через два часа. Вы направляетесь в Воронеж в учебный центр Юго-

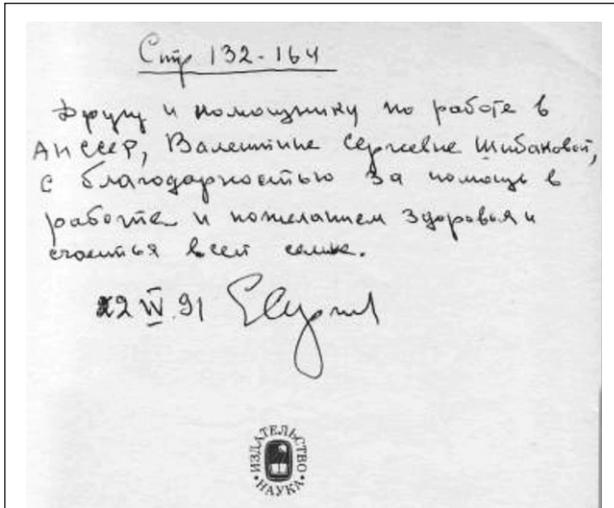
Западного фронта. Будете там учиться на начальника штаба полка". Получил документы, написал коротенькую записку Сироткину и передал ее ординарцу. Доехали мы с ним до железнодорожной станции г. Купянска, разыскали эшелон, идущий на Воронеж, а в нем — теплушку для комсостава. Вернулся я к себе в дивизию 29 мая, но, к сожалению, не в свой родной полк, а для службы в самом штабе дивизии в должности помощника оперативного отделения. Полковника В.В. Давыдова я уже не застал в живых — он погиб 8 марта 1942 г. В июне — июле 1942 г. мне пришлось опять пережить горечь отступления. Но оно было другим по сравнению с 1941 г. Не было, или, точнее сказать, было очень мало каких-то подразделений, групп, блуждавших, не зная, где немцы, где свои, что надо делать. Почти не было панических слухов, хотя фашисты делали многое для того, чтобы они появились. Как правило, от рубежа на другой рубеж обороны отходили по приказанию вышестоящего командира и часто без соприкосновения с противником. Немцы намеревались войти в тыл оборонительного рубежа. Их танки выполнили поставленную задачу — «окружили», а оказывается, окружили пустую территорию, а оборонительный рубеж, где действительно находились наши войска, был расположен уже восточнее. Танковые клинья фашистов при активной поддержке авиации разрезали наши армии, дивизии и даже полки. И, несмотря на это, отдельные части, подразделения упорно пробивались на юго-восток к Дону. Естественно, что все опасались боев в окружении, но не было перед ним такого страха, как в 1941 г. Колонны немцев наступали, придерживаясь больших дорог, расстояние между которыми обычно было несколько десятков километров. Встречались такие наши подразделения, которые двигались в «промежутках» между немцами и в ночное время серьезно их беспокоили... До железнодорожной станции Чертково 199-я СД отходила организованно. В арьергарде находился 617-й СП, командиром которого стал П.И. Сироткин. В районе Чертково танки противника нанесли удар по дивизии с севера и востока. Дальнейший отход стал возможен только отдельными полками и отрядами. Я был в составе отряда, который возглавлял наш дивизионный инженер — подполковник, фамилию которого я, к сожалению, сейчас не помню. Было у нас несколько десятков бойцов и три автомашины, обеспеченные горючим. Наш отряд был одним из тех, кто двигался между немецкими колоннами. Иногда возникала очень острая обстановка, но в конце концов мы приехали на Нижнечирскую переправу с пленными и документами убитых фашистов. Полки и подразделения 199-й СД переправлялись через Дон в самых различных местах от Калача до Новочеркасска. Командование и часть штаба дивизии находились севернее Сталинграда в г. Фролово. Здесь и был получен приказ о расформировании дивизии... Бойцы и командиры были срочно необходимы для пополнения частей 62-й армии, которая за Доном вела бои с противником. Меня направили в разведотдел штаба 1-й танковой армии, который через несколько дней был переименован в штаб Юго-Восточного фронта. По мере развития военных действий название его изменилось на Сталинградский,

затем на Южный и позднее на 4-й Украинский. Горжусь, что мне пришлось принять участие в сражении за Сталинград, по окончании которого командование сочло возможным отметить меня орденом Отечественной войны II степени. 28 июня 1943 г. я был тяжело ранен и оказался в госпитале в Баку. И лишь в конце октября 1943 г. вернулся в Москву инвалидом II группы. Московский университет принял бывшего солдата».

Далее я напишу об эпизодах из военной биографии Е.М. Сергеева, рассказы о которых слышала лично от него. В сентябре 1980 г. по окончании 3-й Всесоюзной конференции по инженерной геологии в Ростове-на-Дону состоялась техническая экскурсия по Ростовской области, в которой принимал участие Евгений Михайлович. После осмотра объектов и исторических достопримечательностей в г. Таганроге для Е.М. Сергеева была организована поездка по местам, по которым он с боями прошел во время Великой Отечественной войны. Он хотел вновь увидеть их, так как работал тогда над военными мемуарами. Мы ехали на двух автомашинах на север от Таганрога. Евгений Михайлович напряженно всматривался в окрестности и в одном месте попросил остановить машину. Перед нами расстилась пустынная, без единого кустика или дерева, «сухая балка». Евгений Михайлович сказал, что именно в этом месте проходила линия фронта зимой 1942–1943 гг.: «По западную сторону — немцы, по восточную — мы, а посередине — нейтральная полоса». Противостояние сторон было довольно продолжительным, немцы не переходили в наступление и явно чего-то ждали. Е.М. Сергеев получил приказ добыть «языка», чтобы выяснить замысел противника. Это было очень трудно выполнить. Оборонительный рубеж немцев был на-

СОДЕРЖАНИЕ	
Предисловие	5
Данчев В. И. На лужском рубеже обороны Волховского фронта	7
Дергачев А. Б. Заметки о военных днях	12
Елисеева О. П., Зельцова О. И. Сандружинницы 84-го отдельного медико-санитарного батальона	24
Завалинцев Л. И. На танке до Берлина	27
Кажинкина Е. М. Военный геолог на фронте	34
Клигин К. А. Трудный путь	36
Корин И. З. На Карельском и 2-м Белорусском фронтах	38
Коробов М. И. Фронтовые воспоминания	40
Косыгин Ю. А. Воспоминания военного времени	44
Кулик-Павский В. А. Л. А. Кулик в ополчении. За Родину, за честь, за свободу	50
Ляхович В. В. Гвардейские воздушно-десантные	63
Мирлин Г. А. Незабываемые 1941-й и 1945-й	70
Штеренберг Л. Е., Раабен М. Е., Комар В. А., Курмцов К. М., Н. П. Михайлов — боец-партизан	79
Осипов М. А. В партизанах на Псковщине	81
Перельман А. И., Рехарский В. И. Геологическое обеспечение фронтов Великой Отечественной войны	112
Пушаровский Ю. М. На войне как на войне	118
Рахьянов В. П. Годы войны	128
Сергеев Е. М. Так было в начале войны	132
Сидоренко К. П. Александр Васильевич Сидоренко	165
Суслов А. Т. В дивизии народного ополчения	168
Тихомиров В. В. На Ленинградском фронте	170
Холодов В. Н. Несколько слов о фронтовой биографии	211
Штеренберг Л. Е. Из воспоминаний старшего лейтенанта, командира батареи	213

Рис. 3. Оглавление книги «Фронт и тыл: геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны»

Рис. 4. Дарственная надпись Е.М. Сергеева автору данной статьи в начале книги «Фронт и тыл: геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны»

дежно укреплен, все подступы к нему просматривались, место было открытым, колючая проволока находилась под сигнализацией, осветительные ракеты в ночное время ярко освещали всю местность. Подобраться в такой ситуации незаметно было невозможно, прорваться атакой означало потерять много людей. И все-таки приказ был выполнен с помощью смекалки. На нейтральной полосе (в зоне недосягаемости немецкого обстрела) была поставлена радиоточка — громкоговоритель, из которого утром полились звуки русских песен — «Волга-Волга — мать родная, Волга — русская река...» и другие. Немцы повыскакивали из своих укрытий, но, видя, что все спокойно, начали слушать музыку, а некоторые из них даже подыгрывать на губных гармошках. Так продолжалось довольно долгое время. Немцы были довольны, смеялись. А потом по радио было сделано обращение к солдатам и офицерам на чистом немецком языке, в котором ругали Гитлера, говорили, что он проиграет войну, и призывали немцев сдаться в плен, пока не поздно. Немцы начали обстрел радиоточки, чтобы ее уничтожить. Но это им не удавалось, их огонь до нее не доставал. «Что тут началось, — смеясь, говорил Евгений Михайлович, — немецкие офицеры бегают вдоль своей территории и ничего не могут изменить, а радио в который раз повторяет речь и ругательства в адрес Гитлера. Наконец немцы выслали добровольца, чтобы гранатой подавить ненавистное радио. Немец полз, его с нашей стороны было хорошо видно, но никто в него не стрелял. А в нужный момент группа разведчиков выскочила из засады, накрыла его плащ-палаткой и быстро скрутила». Этот «язык» был очень крупный, и разведчики умаялись, таща его на себе. Руководил всей этой операцией Е.М. Сергеев. Он же первый и допросил «языка», которого потом отправили в штаб, где тот при допросе дал важные для нашего командования сведения.

Я спросила Евгения Михайловича, в каком бою он был ранен, и он ответил, что был ранен не на земле, а в воздухе, когда совершал облет оборонительного рубежа полка. Самолет попал под немецкий обстрел, и его обшивка была пробита. Его потрянуло, но он продолжал полет. В пылу Сергеев, не испытывая еще ни-

какой боли, крикнул летчику: «Меняй курс, уходи!» А когда он взглянул на свою ногу, то увидел, что стопы у него нет — ее как ножом срезал осколок. Летчик же не получил никакого ранения и спокойно посадил самолет.

После операции по ампутации части ноги Е.М. Сергеев был направлен на лечение в тыл — в госпиталь в г. Баку. Это было в разгар лета 1943 г. Время шло, а рана не заживала — каждый раз во время перевязки он испытывал жгучую боль, когда отдирали гнойные бинты, чтобы заменить их на свежие. Ему приходилось крепко стискивать зубы, чтобы не кричать от боли. Время шло, но все оставалось по-прежнему. И тогда помог следующий случай. Евгений Михайлович попросил пионеров, регулярно навещавших раненых и снабжавших их всевозможными фруктами, принести ему чеснока. Он и сам не понимал, как эта мысль пришла ему в голову, так как в московской жизни чеснок никогда не употребляли в пищу в их семье. В следующий раз дети принесли ему то, что он просил. Евгений Михайлович вспоминал, что он съел за один раз целую головку чеснока размером с кулак как самый вкусный продукт. И вот пришло время перевязки. Он напрягся, приготовился терпеть боль — а ее не было! Сестра спокойно сняла бинты и повязку, а под ними увидела молодую кожу розового цвета, которая полностью покрыла всю рану. Вскоре Е.М. Сергеева выписали из госпиталя, и он на костылях поехал домой, в Москву. Интересно отметить, что в будущем Евгений Михайлович много работал, участвовал в экспедициях, ездил в многочисленные командировки — и никто даже не догадывался о том, что он ходит на протезе.

Из приведенных воспоминаний Е.М. Сергеева видно, какие тяжелые испытания достались его поколению и ему лично и с какой честью он их выдержал. В тех условиях не только проявились, но и закалились лучшие качества его характера. И можно предположить, что без этих испытаний Евгений Михайлович не стал бы такой многогранной и яркой личностью, какой его знали и любили не только друзья и ученики, но и коллеги во всем мире. Этот человек знал, как взять на себя ответственность в самые решительные моменты жизни.

Я горячо надеюсь, что читатель получил представление о Е.М. Сергееве как об участнике Великой Отечественной войны. Однако желающие могут узнать об этом несравненно больше, обратившись к первоисточникам [1, 2].

Автор выражает глубокую благодарность дочери Е.М. Сергеева — Наталье Евгеньевне Сергеевой, предоставившей фотографию отца, сделанную в военные годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергеев Е.М. Так было в начале войны // Фронт и тыл: геологи Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны. Очерки по истории геологических знаний. Вып. 28 / отв. ред. В.В. Тихомиров. М.: Наука, 1990. С. 132–164.
2. Сергеев Е.М. За строкой фронтового письма: военные мемуары. М.: Военное издательство, 1985. 190 с.